

Когда читаешь книгу знаменитого сибирского областника Николая Михайловича Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке», то невольно возникают ассоциации и параллели с произведениями другого русского мыслителя – философа Николая Александровича Бердяева, особенно, с его книгой «Смысл творчества». В ней Н. Бердяев, как он сам об этом пишет, предпринял попытку антроподицеи – оправдания человека. [1, 261] Эта попытка носила спекулятивный и религиозно-философский характер. Нам представляется, что Николай Ядринцев в указанном произведении также предпринял попытку оправдания человека. В отличие от труда Н. Бердяева его «апология» человека опирается на широкую эмпирическую базу, на жизненный опыт многих людей, проживавших в Сибири, прошедших сибирскую тюрьму и ссылку. Данное произведение Н. М. Ядринцева отличает подлинно гуманистический пафос. Во всех аспектах жизни ссыльных и заключенных его интересуют именно человеческие чувства и отношения. Он не просто отчужденно описывает жизнь в тюрьме, но сопереживает заключенным, пропускает ее через себя. «По теплоте чувства к «отверженным», которое красной нитью проходит через всю книгу, видно, как много настрадалось молодое сердце автора в обстановке тогдашней тюрьмы». [2, 278]

Примечательно, что для своей антроподицеи Н. Ядринцев использует материал из жизни преступников: ссыльных, поселенцев, заключенных, сидящих по тюрьмам и острогам. Казалось бы, на таком материале вряд ли можно выстроить какое-либо оправдание человека. Преступники – люди, как правило, не блещущие особыми добродетелями, скорее наоборот, подчиненные порокам. Тем не менее, исходя из собственного опыта общения с этими людьми, Н. Ядринцев в предисловии к своей книге замечает: «Наблюдая закулисную жизнь преступников, автор все более и более приходил к тому убеждению, что этот мир таких же людей, как и все другие, так что нелегко ему было выяснить себе, откуда взялись те предрассудки, которые заставляют видеть в преступниках что-то нечеловеческое». [3,III]

Более того, наблюдение за людьми, совершившими преступления и отбывающими наказание, приводит автора к оптимистическому выводу относительно человеческой природы вообще: «Здесь, среди людей, во многом, действительно, преступных да еще извращенных жизнью среди развращения и распушенности старого русского острога, - в этом пандемониуме приходилось увериться в общих свойствах человеческой природы, - видеть порывы искренних чувств доброты и любви к ближнему». [3,IV]

Удостовериться в укорененности добра и человечности в человеческой природе, по мнению Н. М. Ядринцева, можно наблюдая за особо яркими преступниками. Среди каторжников и разбойников ему не удалось услышать восхваления любого злодеяния. «Старые каторжные и бродяги постоянно оговариваются, что хотя им и случалось воровать и грабить, но от «загубления души Бог избавил». В то же самое время нельзя безусловно утверждать, чтобы в самых озлобленных из преступников не проявлялось человеческое чувство». [3, с.267] Н. М. Ядринцев приводит пример одного каторжника, совершившего множество преступлений. Самый ледяной взгляд его говорил: «Нет пощады!». «Между тем, - пишет Н. М. Ядринцев. – мы видели, как этот человек мирно и весело толковал с своими приятелями, смеялся искренним смехом; ему доступна была дружба и даже любовь, за которую он постоянно платился, так как, убегая из тюрем, являлся к своей любовнице, где его постоянно и ловили». [3, с. 268]

Другие биографии известных преступников тоже, по мнению, Н. М. Ядринцева свидетельствуют об отсутствии бессердечных злодеев в человеческой природе. Не может человек постоянно быть зверем. Н. М. Ядринцев высказывает предположение, что «Преступления этих людей совершались, вероятно, все-таки в критических

обстоятельствах, в критическую минуту жизни: в остальное время жизни они были людьми; человеческие чувства, остатки сердца видны были и у них». [3, с. 269]

Таким образом, наблюдения над человеческой природой в экстремальных ситуациях сибирского острога подводят Н. М. Ядринцева к оптимистическому взгляду на нее: «Жизнь преступников, как нам казалось, может служить поводом не к порицанию только человеческой природы вообще, но иногда наоборот доказательством того, что инстинкты общежития, взаимных привязанностей и симпатии лежат столь глубоко в природе человека, что не пропадают даже в самой отверженной тюремной общине. Подобный вывод, даваемый жизнью, - нам казалось, - не только не расходится с общечеловеческой философией нравственности, но напротив подтверждает всю живучесть нравственного принципа в природе человека». [3, V]

«Нет тут никакой вражды, никакого озлобления». – резюмирует он свои впечатления об остроге. [3, 34]

Между тем, Н. М. Ядринцев не закрывает глаза на многообразные проявления у заключенных различных порочных наклонностей. В жизни ссыльных и заключенных немало зла, эпизодов господства инстинктов и жестокости. Арестантов отличает бессердечное отношение к одиноким заключенным, умирающим от болезней. [3, 73-74] Арестанты не любят печалиться о своих мертвецах. Горевать и высказывать горе – не в моде острога. [3, 75] Анализируя песенное творчество заключенных, Н. М. Ядринцев отмечает, что для некоторых песен характерно легкомысленное и даже юмористическое отношение к преступлению. В песнях нет настоящей драматичности и грусти. «Замечательно, что, несмотря на внешние подробности, в этих песнях ни слова не поминается о мотивах преступления; во всех песнях преступник обыкновенно винит, как причину своего несчастья, разные косвенные обстоятельства и посторонних лиц, но никогда себя». [3, 122]

Острог заражает безнравственностью попадающих в него, особенно молодых людей. Дух, нравы, воззрения бродяг быстро усваиваются другими заключенными.

Н. М. Ядринцев приводит любопытный эпизод, когда секретные отбивают польку-мазурку звоном кандалов: «Неприятное, тяжелое чувство производят эти веселые мотивы с бряцанием цепей: что-то циническое звучит в этом веселье, в этом фиглярстве над собственным гробом. Такая дисгармония есть насильственная подделка чувства и человеческой природы; но секретный принужден прибегать к этому, как к средству обмануть себя в своих страданиях и вызвать хладнокровие в тяжелые минуты из души своей. Но горькою ценою покупается это облегчение и эта демонская забава над своими муками... Отчаянное презрение к своей судьбе, безумная злоба и бесчувственность воспитываются здесь в арестанте». [3, 62]

Исследуя историю сибирской ссылки, Н. М. Ядринцев открывает для себя и для читателя факты, свидетельствующие о мрачных периодах в жизни Сибири, когда преступники фактически устанавливали свои порядки. Начало 19 века характеризуется у него как разбойничья эпоха. [3, 624-626] В Томске того периода горожане не рисковали ходить по городу по вечерам из-за террора банд.

Иногда сибирское общество заражалось недостатками ссылки. Распространялись преступления, беззакония, разврат. «Странное явление видим мы в Сибири: незаконная нажива до такой степени вошла в нравы, - преступления образовали такой сильный заговор против общества и лагерь враждебный порядку был так крепок, что преступления потеряли свой риск; они уже не подвергались никакой опасности, а напротив доставляли столь громадные выгоды, что находили покровительство, и сами представители порядка переходили на сторону преступников. Враждебная сила общества перевешивала над мирной частью его, как над самой законностью и порядком, присущим всякой социальной среде. Это было явление, без сомнения, ужасное и редкое в истории обществ!». [3, 632]

И это не удивительно. Ведь вся Сибирь была фактически одной большой тюрьмой. Преступники со всей России ссылались сюда. Сибирь два столетия несла грехи своей

праматери. [3, 637] Неудивительно поэтому укоренение дурного в Сибири, невозможность создать обыкновенное гражданское общество в условиях отсутствия элементарной безопасности.

Ссылка осужденных со всей России в Сибирь, по мнению Н. М. Ядринцева, задержала развитие Сибири, развитие ее экономической и социальной жизни, насаждала застои, невежество и апатию. [3, 637-638]

Но наряду с этими фактами есть масса фактов противоположного характера. Заключение имеют свою нравственность и способны к рефлексии на этические темы. Они порой оказываются парадоксальным образом морально выше тех, кто их порицает.

«Об осторожной нравственности трудно судить, не зная дела. Я помню спор одного умного бегло-каторжного с волостным писарем, человеком богатым и попавшим в острог по случайности, но который был бессовестнейшим малым и накануне выпуска своего из тюрьмы надул беглых каторжных какой-то лотереей...

- У нас честь есть, - говорил с убеждением каторжный Вагин: - Мы своего брата никогда не обманем Я 30 лет в бродяжничестве хожу; я делился куском со своим братом; у меня на него рука не подымется, потому что все мы несчастные. Значит, у меня совесть есть! а у тебя нет ее... Остолоп! Вот тут и посудите о человеческой нравственности». [3, 196] Н. Ядринцев отмечает и тип острожного «Брута», который готов пожертвовать собой за общину. [3, 253]

Особенно сильное впечатление в этом плане на Н. М. Ядринцева произвели скопцы. Он пишет: «Что меня поразило при первом знакомстве, - так это крайняя вежливость и нежность, с которыми они обращались друг с другом. Не было минуты, чтобы они не старались один другому угодить. Я подумал сначала, что они все родственники: так отношения были близки, но оказалось, что кроме двух братьев все они чужие друг другу. Видно, что в их жизни не было ни ссор, ни брани». [3, 256] От них веяло миром-согласием. С особенной заботой они ухаживали за больными. «Братство и полный коммунизм вполне осуществлялись в этой семье». [3, 259]

Для скопцов характерно пренебрежение ко всему плотскому, к развлечениям и удовольствиям. С другими не сходились, но обращались вежливо, стараясь угодить. Страдание и терпение насмешек они считали долгом. «Преследуемые, гонимые, подвергаемые насмешкам, скопцы должны были тем крепче и нежнее привязаться к своему братству. Искренно и страстно любили они друг друга, не имея других привязанностей в жизни. И эта «евангельская любовь» была, быть может, самую симпатичною и чарующею стороной, которая своею прелестью привлекала к ним прозелитов, искавших мира и утешения в вере от несправедливого, мятежного и враждующего света. По крайней мере, это можно было видеть на наших молодых скопцах». [3, 261]

В тюрьме происходило и культурное развитие. Бывало, что в нее попадали лучшие произведения русской литературы. Некоторые книги заучивались арестантами наизусть. На каторге в прежнее время писались стихотворения, складывались легенды, сатиры и пр. [3, 125] В тюрьме есть свои поэты. Образчиком просвещенного народного творчества служат стихи Мокеева, попавшего в сибирскую ссылку безвинно. Он испытал всю боль изгнания из родной земли. Его произведения проникнуты глубокой жизненной правдой.

Были даже свои философы. Таков Лаврентий Федоров – философ-самородок. Он был человеком необычайной начитанности, знавшим половину Библии наизусть, исходившим всю Россию и Сибирь. Никогда он не оставлял книжки не продумавши. Его отличала вера в пользу познания. Сам он был человек, глубоко убежденный и размышляющий о религии. Его жажду истины иллюстрирует следующий диалог, приведенный в книге Н. М. Ядринцева:

«- Так неужели, Лаврентий Федорыч, вы ни в одном учении еще не нашли истины? – говорил я ему иногда после разговора о русских раскольнических сектах.

- Нет-с, не нашел...

- Где же, по вашему, истина-то?

- Есть одна великая истина... это – евангельская любовь к ближнему, а относительно других вопросов – о спасении и вере – указано в Библии, только я еще не уразумел, хотя по сие время тщательно изучаю слово Библии.

- Но, помилуйте, когда же вы доищетесь и уразумете эту истину, когда, как вы говорите, никто не нашел ее и вы сами: вот уже вам 50 лет, а все еще не отыскали!..

- Что же делать! А она там есть! Я верую-с!» [3, 266]

Поскольку Н. Ядринцев высокого мнения о человеческой природе, то ему нужно объяснить сам факт наличия преступлений и преступников, факт наличия зла в человеческих отношениях. Причины существования такого зла заключены, по его мнению, не в самой человеческой природе как таковой, а в нечеловеческих и противочеловеческих общественных условиях, которые негативно воздействуют на развитие человеческих качеств.

Он отмечает, что социальная несправедливость и сословный строй с привилегиями являются источниками преступлений. Нищета и отчаянное положение толкает на преступления бедняков. Но и высшие классы тоже склонны к преступлениям, несмотря на их более высокое положение в обществе и материальный достаток. Представители этих классов склонны к нарушению чужих прав, особенно прав людей, стоящих ниже на социальной лестнице.

Истоки бродяжничества Н. М. Ядринцев находит в самой географии и исторических условиях жизни древней Руси. В последующие времена побег использовался крестьянами как средство борьбы с неблагоприятными условиями жизни в обществе. Побег был протестом личности против стесняющих обстоятельств: крепостного права, подушного налога, злоупотребления воевод, голода, бедности и пр. «Можно сказать, что русский народ воспитался в бегах; на его почве выработалась даже религия бегства (бегуны)». [3, 352] В народе воспитывался своеобразный дух непостоянства.

Как относиться к преступникам? Н. М. Ядринцев разбирает различные европейские теории, касающиеся психологии преступников.

Гуманизм предписывает видеть в преступнике человека и использовать наказание для его исправления. На практике же, как отмечает Н. М. Ядринцев, нередко имеет место совсем другое отношение к преступнику. «У нас так заведено: если строжиться, так строжиться; середины не существует. Поэтому от самой голой распущенности легко переходят к произвольным строгостям». [3, 284]

Заклученные нередко рассматривались как «внутренний враг». Считалось, что мягкое обращение с ними неуместно. Н. М. Ядринцев констатирует противоречие между дисциплиной (как она понималась многими российскими начальниками) и гуманным отношением к людям: «Тюремные начальники понимали, что человеколюбие и доброе обращение несовместимо с дисциплиною и всю свою заботу прилагали только к тому, чтобы ввести и поддержать дисциплину, а тюремную дисциплину полагали в беспрекословном повиновении арестанта, в распоряжении по произволу его жизнью и смертью. Старые смотрители думали, что арестант отдается им в крепостную зависимость: «как дурно не обращай с ним, он все того заслуживает»; самое дурное обращение они считали справедливым, а свою волю законом. Поэтому-то не существовало такого унижения, такого позора, такой несправедливости, какой не выносил арестант в старой тюрьме». [3, 343]

Против такого унижения арестанты начинали ожесточенную борьбу, которая иногда завершалась их победой. «Эта борьба иногда представляла ужасную анархию острога, а победа арестантов вела к совершенной распущенности в тюрьме, подобно тому, как власть смотрителя служила к произволу и неестественным стеснениям». [3, 343]

Таким образом, насаждение бесчеловечной дисциплины вело к ее крушению.

Жалобы заключенных не выслушивались. Им говорили: «На то и тюрьма, чтобы было худо». Арестанту постоянно кололи глаза, что он человек погибший. Именно такое

отношение к арестантам, по мнению Н. М. Ядринцева и способствовала их развращению. Происходила крайняя деморализация заключенных. Последние уверялись в том, что они последние негодяи, и даже бравировали этим, стараясь оправдать свои недостатки. Дурное обращение с заключенными вело не к исправлению их, а к дальнейшей деморализации.

За побеги и другие нарушения порядка назначались жестокие телесные наказания. Н. М. Ядринцев отмечает, что такие наказания не устрашают ссыльных. Они пытаются обойти такие наказания своими средствами, причиняющими тоже немалые страдания. Это вытравливание прежних клейм, самоуродование – обрубание рук, перлом ног ломом и пр. Бродяги и ссыльные смотрят на наказание стоически, считают неизбежным спутником жизни.

Наказания и не могут подействовать на человека закрубелого, каторжного, привыкшего к лишениям и истязаниям. Они только вносят в него раздражение и непримиримость, культивируют в нем злобу: «Человек, испытавший плеть, розги, побывавший на эшафоте и перенесший физические страдания, уже ничего не боится. Мало того: он делается жесток, хладнокровен к страданиям и других: ни муки, ни стоны, ни кровь ему не редкость. Скоро он впадает в бесчувственность, в зверство; он мстит и мстит кровью же. Величайшие злодеи, величайшие разбойники и хладнокровные убийцы являются только из каторжников». [3, 440] Устрашение воспитывает личность, черствую, закрубелую, которую ничто не может потрясти. Получается, что наказание приводит к обратному эффекту.

Особенно опасны беглецы с рудников. Положение беглого каторжника отчаянное, оно полно превратностей и преследования. Появляются убийцы-бродяги. Однако даже в этом случае Н. М. Ядринцев констатирует сохранение проблесков человеческого начала: «При всей своей закоренелости, как у Я, так и у Тарбагана, являлись человеческие чувства. Тарбаган не убил встретившихся женщин потому, что они новеселки и его соотечественницы из воронежской губернии; они знали его отца и мать: он вспомнил родину, и это мягкое чувство заставило пожалеть землячек; из отобранных денег он дал им по 3 рубля». [3, 484] Другой известный бродяга, идеал бродяг – Светлов гордится тем, что не убивает людей.

Государство стремилось использовать труд заключенных из экономических соображений – на рудниках и заводах. Такой подход для Н. М. Ядринцева тоже неприемлем: «Утилизация преступников привела к другой крайности: она уничтожила личность человека, соразмерность и законность самого наказания». [3, 519] Работники на заводах и рудниках подвергались бесчеловечному обращению. Поселенцев ждал принудительный труд, устрашение суровыми наказаниями. Но все это негативно действовало на нравственную сторону осужденных.

Так сибирский губернатор Чичерин осваивал Барабинскую степь, несмотря на наличие в ней очагов сибирской язвы. По мнению Н. М. Ядринцева, полученные результаты ничтожны по сравнению с громадностью жертв. Чрезмерно тяжелая работа, ничтожные пособия, самая строгая дисциплина, расправы с жестокими наказаниями – вот что было характерно для Чичерина. Он имел обыкновение придирается к каждой мелочи и драть мужиков за малейшую оплошность. Его идеал – палочная система. Он разъезжал ночью по Тобольску и чинил наказания как полицмейстер.

Мрачные предания остались между старожилами западной Сибири. Гражданский губернатор Трескин в начале 19 века основал несколько поселений, порядками напоминавшие аракчеевские. Вскоре обнаружилась полная деморализация и множество преступлений [3, 556] Исправник Лоскутов был наделен неограниченной властью. Он регламентировал до мелочей даже домашний быт. С помощью террора он довел поселенцев до рабской дисциплины. Лоскутов ввел коллективную ответственность: за проступок совершенный одним членом колонии, расплачивались все остальные. Как учреждения насильственные и неестественные, эти колонии разрушились.

Ссылка представляет собой бесчеловечное наказание, при котором личность приносится в жертву. Наказание почти всегда вызывает чувство боли и апатии, потерянности. [3, 587] Н. М. Ядринцев критически отзывается о поселении как способе исправить преступников. Представления преступника о труде вряд ли изменятся от перемены места. Русский человек – узкий патриот, тоскующий по родным местам. Сибирь для него – чужая. Поэтому большинство ссыльных испытывает боль ссылки. Ссыльные негативно относятся к сибирякам, считают возможным совершение против них всяческих преступлений. Местные крестьяне тоже норовят обмануть и эксплуатировать ссыльных. Таким образом, ссылка оказывает раздражающее и вредное нравственное влияние.

Автор убедительно показывает, что безграничная власть над людьми, безразличие к особенностям как человеческих типов, так и индивидуальным особенностям каждого человека ведут не только к антигуманной практике, но и превращают самих носителей власти, должностяующих блюсти закон в людей, попирающих и закон, и нравственность. Абсолютная власть над людьми делает из государственных чиновников преступников. Попытка злом наказывать злодеев на деле увеличивает зло. Сами наказывающие им заражаются. С другой стороны, преступники, при жестоком с ними обращении сами еще больше ожесточаются и оказываются гораздо дальше от исправления, чем до заключения.

Поскольку причины преступлений, по Н. М. Ядринцеву, социальные, то само по себе наказание не может устранить причин преступлений: «Наказаниями нельзя было предупредить последующие случаи преступлений. Перед неопровержимым законом, по которому при известном общественном строе повторяются известные преступления, страх и личная воля теряли всякую силу». [3, 535]

В основу системы исправления должно быть положено, по мнению Н. М. Ядринцева, изучение личности преступника. Он разбирает причины тюремных конфликтов и приходит к выводу, что споры и непослушания в тюрьмах происходили из-за того, что вследствие постоянного произвола смотрителей самые законные их требования воспринимались заключенными как очередной произвол. Чтобы снизить возможность возникновения конфликта, необходимо публичное обнародование правил распорядка, регламенты, определяющие поведение арестантов. Дисциплина в тюрьмах должны быть не военная, а педагогическая. Смотрители должны отличаться предупредительностью, вниманием, мягким обхождением с арестантами. Н. М. Ядринцев выступает за внедрение в российских тюрьмах европейской системы наказания.

«Вся исправительная европейская система сводится к следующим правилам: 1) она признает в преступнике вполне человека со всеми его натуральными способностями, а поэтому предписывает вполне и человеческое с ним обхождение, требующее тем более гуманной осторожности, что это – человек больной и раздраженный; 2) измеряя преступника обыкновенною человеческой меркою, она силится создать нормальную жизнь в тюрьме на более рациональных началах, устраняя все вредное, все неестественное для человеческой природы и доставляя более средств для развития лучших человеческих способностей; 3) она стремится к развитию его нормальных способностей и возбуждению лучших инстинктов обыкновенными педагогическими средствами, причем не теряет надежды на исправление каждой личности». [3, 346]

Нужно разузнать личность преступника и войти к нему в доверие. «Покажите, что вы их лучше считаете, чем они есть; покажите веру в их исправление, затроньте в человеке благородные мотивы: они есть в душе самых испорченных; и поверьте, что вы лучше добьетесь цели! Таковы правила, на которых должно держаться исправление. Уважение человеческого достоинства должно соблюдаться в тюрьме, как и везде». [3, 347]

Н. М. Ядринцев сочувственно цитирует Достоевского, который считал, что человеческое обращение может очеловечить даже того, на котором давно уже потускнел образ Божий. «Действительно, ничто не может оживить, сделать благодарной природу человека, как самое малейшее сочувствие во время его несчастья. В это время человек

выскажет все, что накопело на его душе; он выяснит причину своих несчастий и историю своего падения». [3, 348].

Главные причины побегов – большой срок работ и тяжесть их. Для самого отчаянного преступника должна быть надежда. Поэтому ссылка должна утратить свой неразборчивый характер и универсальное значение, получив более гуманные и определенные правила по суду. Она должна применяться только для самых опасных преступников и на определенный срок.

Для заключенных необходим труд и занятие каким-либо делом. Морализующая сторона труда заключается в том, что преступники начинают осознавать естественную необходимость труда для жизни.

Второе средство для исправления личности – воспитание и образование. Большинство преступников – жертвы невежества, неразвития, грубости, отсутствия твердых нравственных принципов. «Множество безнравственных наклонностей существует в человеке по глупости, по легкомыслию, по непривычке сознательно отдавать себе отчет в своих поступках. Преподавание поэтому должно сосредоточиваться преимущественно на искоренении заблуждений ума и ложных понятий о жизни». [3, 338] Личные отношения учителя и учащегося способствуют лучшему изучению характера преступника, плодотворно влияют на его ум и нравственное чувство. Важно относиться к заключенному как к человеку. «Никто не может заслужить и такого доверия и уважения, как учитель, обладающий умственным преимуществом, стоящий высоко по своему беспристрастному взгляду, полный высокой любви и веры в человеческую природу». [3, 340]

Служители тюрьмы должны обладать развитым умом и развитым сердцем. Труд, обучение, гуманное отношение к преступникам. Сделать из преступника полного человека, высоконравственного и добродетельного. В будущем принцип нравственного воспитания падших людей. [3, с.715]

Н. М. Ядринцев, исходя из своего представления о человеческой природе, и ее основных движущих мотивах, намечает следующую последовательность в предлагаемой им новой системе исправления, сравнивая ее с предшествующими системами: «1) предварительное дисциплинирование личности, приучение ее к подчинению и повиновению путем внешнего и механического ограничения ее воли (обыкновенная внешняя дисциплина тюрьмы);

2) развитие самодеятельности, самовоздержания, самовоспитания и самопомощи при известной доле свободы, - воспитание, соответствующее развитию индивидуальных способностей и сил личности (ирландская система переходных заведений, Обермайера и Макоччи);

3) воспитание социальных и симпатических инстинктов, основанное на рациональном применении общежития, с условиями взаимных обязательств и взаимных услуг (применение общественного самоуправления и самопомощи, основанное на различных общинных учреждениях)». [3, 716]

Теоретически к пониманию роли общины в нравственном перевоспитании преступников подошел, по мнению Н. М. Ядринцева. Г. Спенсер.

Опыт русской общины в этом смысле может быть очень полезен всему человечеству. «Европейская теория таким образом ясно указывает новые начала перевоспитания; но на что не успела еще натолкнуться европейская пенитенциарная практика, на то указывает и наталкивает наш опыт. Мы питаем робкую надежду в этом случае, что может быть, в силу нашего национального чутья и особого народного расположения к общинным учреждениям, мы угадали ту тайну, которая должна довершить систему европейского исправления преступников и тем послужит к окончательному разрешению фатально-уголовного вопроса». [3, 718]

В книге Н. М. Ядринцева приводится немало примеров антиобщественных проявлений и преступлений, совершаемых заключенными острогов. Да и отношения между преступниками тоже полны конфликтов, борьбы за себя, за свои интересы. Тем не менее, даже среди преступников сказывается общественный характер человеческой природы, стремление человека к общительности. О живучести моральных основ человеческой природы свидетельствует тот факт, что заключенные – осужденные преступники - образуют общину на принципах взаимопомощи – «антиобщественные» люди создают общество.

Н. М. Ядринцев восклицает: «Скажем более: жизнь падших и несчастных нам только дает новые доказательства величия и стремления человеческой природы к добру. Она доказала тот высоконравственный, принцип, что братство и любовь - такая глубоко-естественная черта человечества, что не изглаживается в сердцах никаких преступников, - ни убийц, ни разбойников. Их община не поела себя среди междоусобий, а создала себе свои законы; на место вражды и преступлений - она внесла братский союз всех угнетенных, отверженных и страдающих, высокочеловечную любовь друг к другу, защиту бедного брата, геройское самопожертвование за жизнь и счастье других людей; несчастье только сплотило людей и еще более возбудило в них это чувство. Оно одно наполнило их жизнь, облегчило их в минуты горя и дало им силы для защиты себя.

Таким образом, самая отверженная и признанная негодною община увенчала себя делом, достойным человека. Она была новым свидетельством, что сила общества, связанного любовью, способна разрушить все препятствия, мешающие жить человеку, а любовь способна обновить и воскресить человечество!» [3, 188]

Характеризуя тюремную общину. Н. М. Ядринцев использует даже такое выражения как «фаланстер арестантства». Община оказывает братскую помощь наказуемому, если тому не хватает собственных средств в подкупе чиновников и палача. В крайнем случае, если эти меры не помогают, подсудимому оказывается помощь в побеге с места заключения. Община создает и общую кассу для общих нужд заключенных, избирает руководство. Члены общины выступают по отношению друг к другу как советники, учителя- юристы, соучастники.

На формирование острожной общины несомненное влияние оказывала русская крестьянская община, ее нравы и обычаи. Община управляет и опекает. Она требует преданности общинному братству и арестантскому делу. «Она поставила законом, чтобы арестантский интерес стоял выше всего в остроге, чтобы, находясь под одними условиями, все арестанты стояли крепко друг за друга, чтобы острожная тайна хранилась свято и с врагами арестантства не было никаких связей. – Поэтому всякая измена арестантству и всякий донос начальству подлежат самому беспощадному суду общины и грозной каре. Всякого нарушающего общественный интерес, всякого изменника и шпиона арестантство призывает перед судом общины и судит его на своей сходке». [3, 148] Осужденного общиной ждет террор со стороны всей общины. Особенно тяжело шпионам. Их обыкновенно ждет смерть.

Осуждение доносительства, а оно тюремной общественностью приравнивается к убийству, свидетельствует по мысли Н. М. Ядринцева, о том, что на самой низкой ступени падения люди сохранили достаточно нравственного чувства, чтобы считать это явление противочеловеческим.

В жизни острожной общины вообще большую роль играют моральные чувства. Это чувство солидарности, справедливости, сострадания, равноправия, взаимопомощи. [3, 144] Сам побег мог состояться только с согласия общины, в том случае, если она сочтет его «законным» – крайним средством для человека в тяжелых обстоятельствах.

Солидарность общины проявлялась и в подкупе палача. Кроме платы, так сказать, за каждый отдельный случай, чтобы палач бил поменьше, община брала палача на содержание, выплачивая ему постоянный «оклад». А поскольку большинство палачей

были бедняками, и казна скупо оплачивала их труд, то они, как правило, шли навстречу тюремной общине.

В этом тоже, по Н. М. Ядринцеву сказывался этический момент: «В расходах на палача община не жалела денег, цена всякие расходы ни во что перед человеческим страданием». [3, 155] Нередко палачи пользовались этим, требуя себе все больше «подарков». В обмен палач должен был оказывать обратную услугу: исполняя приговор над арестантом, он был обязан жалеть его, не бить жестоко. Хотя при этом они и сами подвергались риску. В этой связи Н. М. Ядринцев употребляет парадоксальное выражение: «самопожертвование палача»: «Всю ответственность пред начальством за легкое наказание он должен был нести на себе и не выдавать арестантов ни при каких обстоятельствах. А ответственность была немалая и для палача, так как за легкое и притворное наказание его взбучивали палками и розгами. Самопожертвование, на которое в этом случае обрекали себя палачи, конечно, в свою очередь, не вознаграждалось никакими деньгами. Подвергая себя сплошь и рядом наказаниям, старые палачи сослужили верную службу арестантской общине». [3, 156]

Между разными острожными общинами возникало общение, передача информации. Это своеобразная острожный «социальная сеть» осуществлялась бродягами.

Н. М. Ядринцев отмечает удивительный факт: «В самом деле, взглянув на русские и особенно на сибирские остроги, наполненные тысячами каторжных, ссыльных и преступников, нельзя не изумляться, как управляют ими и сдерживают их эти инвалиды и отставные патриархальные чиновники. Точно также нас должны поразить удивлением те тысячные партии, которые тянутся из года в год в ссылку и рудники без всякого сопротивления ограждаемые ничтожными отрядами, не разбивая ни острогов, ни своих рудников и заводов, хотя бы они могли исполнить это очень легко, если бы только захотели. Взгляните на партию, идущую от Байкала к Нерчинску; взгляните как растянулась она от станции до станции в совершенном разброде, с кандалами, спрятанными в мешки и влачимыми на плечах, с десятком убогих казаков, скорее тянущихся за партией, чем конвоирующих ее. Взгляните на заводы и каторжные остроги, где мирно гуляет каторжное арестантство по своим дворам, и обогатенное в изобилии ножами, режет ими только черствые корки казенного хлеба. Думал ли кто, что удерживает этих людей? Какая сила покоряла их, какими пружинами владело начальство, удерживая и направляя арестантов по своему желанию?» [3, 176]

Эта сила, по мнению Н. М. Ядринцева – арестантская община. Она вступает в договор с охранниками и начальством, и этот договор налагает определенные обязательства на обе стороны. Охранки, например, снимают кандалы с заключенных, а те обязуются не совершать побега. И подобные договоры, как правило, соблюдаются.

Н. М. Ядринцев констатирует большую разницу между официальным порядком, диктуемым официальным уставом и действительным порядком, в конституировании которого большую роль играет арестантская община. Он пишет, что понял, что «в остроге и никаких уставов и никакого начальства нет, кроме «острожной общины», вполне подчинившей себе жизнь отдельной личности. Союз арестантов возникал в каждом месте заключения, обусловленный одинаковостью положения преступников, потребностью самозащиты и достижения разных льгот». [3, 142]

Самоуправление и самостоятельность общины возникали в длительной борьбе с официальным порядком.

В остроге традиционно сложились определенные вольности и послабления, противоречащие официальным инструкциям. Наибольшую ярость у заключенных, поэтому, вызвали формалисты – такие должностные лица, которые стремились следовать букве постановлений, не считаясь с наличествующими де-факто арестантскими свободами. Дело доходило до открытых бунтов. При этом заключенные стремились не выдавать никого, несмотря на жесткие наказания. Нередко смотрители выдавали свои произвольные установления за требования закона, то есть чинили произвол. Борьба могла

быть весьма длительной, но, как отмечает Н. М. Ядринцев, кончалась, как правило, победой заключенных.

В итоге сложился своеобразный компромисс и симбиоз официальной власти и власти арестантской общины. Тюремное начальство сморит сквозь пальцы на некоторые вольности арестантов. Но при проверке со стороны более высокого начальства, арестанты, в свою очередь, демонстрируют образцовый порядок в тюрьме, оказывая тем самым услугу «родному» начальству.

Заключенным нравилось к тому же, что им оказывают доверие, что они способны на добрые дела и хорошие подвиги. Некоторые даже соперничали исправностью. Бывали даже поразительные случаи: «Известны случаи, когда во время пожаров на этапах и в острогах начальник взывал к арестантам, требовал от них помощи, предоставляя им полную свободу в это время, и арестанты, обрадовавшись и возгордившись, что и им предоставляется сослужить полезную службу, совершить хорошее дело, кидались вперебой помогать в минуту опасности, вылезали из кожи, показывали чудеса храбрости и самопожертвования; ни один из них не думал даже воспользоваться суматохой для побега». [3, 179]

Бродяги образовывали особое сословие тюремных жителей. Это были своеобразные «полевые дворяне». Н. М. Ядринцев набрасывает историю развития бродяжничества, производит типологию бродяг, рисует их нравы. Он отмечает антагонизм между бродягами и сибирскими крестьянами. Крестьяне терпят бродяг, пока кто-либо из них не совершает то, что выходит, по их мнению, за всякие рамки. Тогда они очень жестоко мстят преступнику. Бродяги, особенно в тюрьме, смотрят на крестьян свысока. Они гордятся своим «званием» бродяг, своим знанием тюремных законов, своими псевдонимами. Острог – отдых и развлечение для бродяги, особенно, зимой. Бродягам свойственен идеал свободы, вольного житья.

В тюрьме бродяги образуют свою корпорацию. На выборы старост влияют наиболее опытные бродяги. Староста имеет большое значение. Он собирает и расходует деньги, выполняет должность своеобразного полицейского. При выборах нравственному облику претендента не уделяется внимания.

Как правило, старосты транжируют общественные деньги. К этому относятся снисходительно. «Часто бывает такого соображения: «он старый каторжный, - говорят бродяги, - да и прогорел: пусть поправится; выберем его!» - и выбирают». [3, 414]

Только если староста начинает воровать сверх меры, его смещают и выбирают нового. Но и новый кончает таким же образом. Таким образом, антиобщественное начало в бродяжской общине не дает возможности создать устойчивые порядки.

Мы видим, что у Н. Ядринцева есть собственная философская антропология, свое представление о существенных чертах человеческой природы. С точки зрения Н. Ядринцева человека человеком делают нравственные, человеческие отношения и чувства, укорененные в природе человека. И они, хотя бы на минимальном уровне, остаются с человеком, даже на крайней степени его падения. Более того, достоинство человека, его уважение и самоуважение составляют, согласно Н. Ядринцеву существенный фактор общественной жизни. Их игнорирование ведет к провалам в социальной политике, в частности, в мероприятиях по исправлению преступников. Напротив, учет этих факторов, опора на них – вот что открывает путь для действительного решения социальных проблем, в частности адаптации преступников к нормальной человеческой жизни. Н. Ядринцев убедительно показывает это на большом фактическом, историческом материале. Его гуманизм носит не только теоретический, но и практический характер. Досконально изучив данные по сибирской ссылке, по аналогичным явлениям в жизни других стран, изучив господствующие теории, положенные в основу современной ему пенитенциарной системы в Европе, Н. М. Ядринцев предлагает конкретные меры, которые послужили бы цели гуманизации отношения к людям, преступившим закон и помощи им в преодолении порочных наклонностей.

Н. М. Ядринцев опирается на этические учения Бентама, А. Смита, Дж. Ст. Милля. По его мнению, человеческой природой управляют два рода побуждений. Одни – эгоистические – направлены на сохранение и доставление удовольствия. Вторые – сочувственные, примиряющие индивидуальный и общественный интерес – социальные. Если первые берут верх, то человек или равнодушен к людям, или исполнен вражды к ним. [3, 698] Человек в жизни постоянно колеблется между этими влечениями. Эгоистические инстинкты, однако, сильнее социальных. Рассудок и чувство справедливости уравнивают наши инстинкты. Отсюда проистекает важность образования. Развитию общества, нравственности способствовало развитие симпатических чувств: «Само собою разумеется, что устройству общественной жизни и развитию нравственности содействовало собственно развитие симпатических чувств. Это один из самых плодотворных и самых возвышенных мотивов человеческой природы. Его проявления – самые разнообразные: он является в виде благосклонности, братской любви к ближнему, человечности, филантропии, сострадания, милосердия, благодарности, нежности, патриотизма и чувства общественного блага, к этому чувству сводятся все понятия о совести, о нравственности, справедливости и законности. Без такого мотива почти немислимо бы было человеческое существование, оно было бы бессильно и жалко». [3, 699]

Он считает, что именно на этом мотиве устраивалось в первобытные времена общество. И в современном обществе такой инстинктивный мотив играет важную роль в общественных взаимодействиях. Кроме этого мотива важную роль играет этическое правило: «Общие выгоды заключают в себе всегда наши личные выгоды».

Одним из главных мотивов человеческого поведения Г. Спенсер считает мотив сочувствия. Одинокое заключение заглушает этот мотив и превращает заключенного в эгоиста. Н. М. Ядринцев подробно разбирает практику одиночного заключения и приходит к выводу, что оно вредно для исправления личности преступника. Наоборот, лишившись общения с другими людьми, эта личность идет по пути деградации. Естественное влечение людей друг к другу, взаимная помощь и поддержка есть в любой группе людей. Сознание взаимной связи, взаимное влечение составляют такое свойство человеческой природы, которое пронизывает всю историю. Этот закон столь же силен, как и дарвиновский и представляет по отношению к нему противовес и «служит могущественным залогом взаимного человеческого сохранения и взаимного усовершенствования». [3, 719]

Однако при выработке практических рекомендаций для исправления заключенных, Н. М. Ядринцев, как нам кажется, возлагает больше надежд именно на эгоистический интерес, и даже стремиться именно из него вывести социальное чувство. Для исправления, по его мнению, нужен такой порядок, который способствовал бы выработке совершенной личности и образованию разумных социальных отношений. Нужно выработать убеждение в выгоде соединения усилий с другими людьми и взаимных обязательств. Привычка сообразовываться с чужими интересами в видах собственной пользы ведет к воздержанию от враждебных действий и к оказанию друг другу услуг. Сознание выгод взаимной помощи и уступок ведет к формированию нравственных убеждений и чувств. «Нам легче любить людей, когда мы видим выгоды от этой любви». [3, 707]

После усвоения этой ступени, которую уместно назвать разумным эгоизмом, человек прodelывает дальнейшую нравственную эволюцию: «Вместе с воспитанием человека на принципах взаимной экономической помощи, на выгодах ассоциации, взаимного обучения и взаимного ручательства за порядок, - человек усвоит все понятия о долге и обязательствах, налагаемых общественной жизнью и человеческими законами: под руководством умного и благородного наставника, объясняющего смысл этой системы и содействующего равно умственному и нравственному пониманию, она будет иметь громадное морализующее влияние; правильные привычки жизни положат начало

нравственному чувству, а вслед за обязательными уступками обществу явится добровольный мотив любви и желания добра людям. Возбуждение этого нравственного чувства явится естественно из постоянного и непрерывного действия в одном и том же направлении на нравственную сторону человека; деликатное, бережное обхождение с преступником и его умственное развитие довершат остальное. Таким образом пробуждение чувства признательности, благожелательности и любви к ближнему будет венцом этой системы». [3, 714-715]

Прослеживая эволюцию отношения общества к преступникам и эволюцию наказаний, Н. Ядринцев обнаруживает явную тенденцию к гуманизации последних. В будущем, он уверен, останутся только нравственные наказания.

Таким образом, Н. М. Ядринцев надеется, что из корыстных мотивов со временем разовьются бескорыстные. Эта идея представляется нам несколько сомнительной. Еще И. Кант отмечал, что на личном чувстве трудно основать прочную нравственность, ибо оно непостоянно. Такая субъективная любовь весьма избирательна. В этом можно убедиться и на примерах альтруизма преступников приводимых самим Н. М. Ядринцевым. Этот «альтруизм» часто напоминает мораль готтентотов, с ее делением на своих и чужих. Но и эта мораль далеко не всегда связана с мотивом выгоды, а нередко ему прямо противоречит. Воздействие через разумный эгоизм и через альтруизм должно идти одновременно и параллельно.

В произведении Н. М. Ядринцева дана широкая панорама жизни заключенных и ссыльных в Сибири с привлечением исторического и социального контекстов. Автора отличает, с одной стороны, внимание к фактам, эмпирическим наблюдениям (в том числе и личным), а, с другой стороны, стремление к обобщению их в русле идей современных автору европейских мыслителей. Но Н. М. Ядринцева интересуют не только сами по себе эмпирические подробности жизни и быта людей, преступивших закон, но и общие черты человеческой природы, проступающие в этих подробностях. Всю работу отличает философско-антропологический пафос. Примечательно, что с философской антропологией связано и стремление практически преобразить жизнь заключенных на гуманистических началах. Нам представляется, что идеи и наблюдения Н. М. Ядринцева не утратили своей значимости и еще будут востребованы нашим обществом.

Литература

1. Бердяев Н. А. Смысл творчества// Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. – М., 1989. – издательство «Правда». –
2. Лемке М. К. Николай Михайлович Ядринцев: Биограф. очерк. - СПб., 1904.
3. Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. – СПб., 1872: типография А. Моригеровского, Надеждинская улица, дом № 39.